

**«ИНДУСТРИЯ
КУЛЬТУРЫ»
В ОБЩЕСТВЕННОМ
СОЗНАНИИ
В РЕСПУБЛИКЕ
КАЗАХСТАН**

С обретение суверенитета и независимости Республика Казахстан вступила в новые для себя рыночные отношения. Жизнь людей, в том числе и культурная, стала заметно меняться. Пришли новые идейные и идеологические западные веяния. Прежний советский, а потом постсоветский культурный ландшафт государства напрямую ощутил на себе во всем многообразии агрессивное влияние западной культуры и особенно индустриального продукта масс-медиа. В жизни рядового казахстанца появилось и стало прорастать в сознании понятие «индустрии культуры». Что это такое?

Наш потребитель быстро принимает западные новинки масс-медиа в каждодневном обиходе. Легкая музыка, легкое искусство, легкое попкорн-кино, слегка шокирующее театральное представление, телевидение, которое не приглашает зрителя к просмотру программ, а само вторгается в жизнь каждой квартиры, каждого человека – все это стало легкодоступным, легкоусвояемым, заманчивым по содержанию, приятным на вкус в первоначальном восприятии. Такая как бы дополнительная духовная пища расширяла горизонты познания, она сразу нравилась молодому поколению, и теперь почти каждый человек способен везде и в любое время суток «уединиться» с наушниками, с аудио-видео-плеером, для того чтобы «наслаждаться» новой, популярной, эстрадной музыкальной новинкой, шокирующей телепрограммой, фильмом ужасов или черного юмора. Такое времяпровождение у нашей молодежи становится нормой, привычкой, потребностью, модой – более того это становится мерилем уровня потребностей в духовной информировании человека и фактом ещё большего отчуждения от житейских текущих проблем. Окружающий мир с текущими проблемами молодому человеку становится неинтересным, скучным, серым, сложным, и, конечно, не разрешаемым. Трудным он видится ему с точки зрения запросов современного молодого человека, а значит, тогда легко и удобно поддаться идеологии масс-медиа и принять за правило ее идеологию, что в мире этом вообще нет проблем – они не существуют. Следуя подобным первым заманчивым позывам кичевого сознания, юноша или девушка становятся его рабами и активными потребителями продукта индустрии культуры, а текущие пробле-

мы жизни отходят на второй план его бытия. Об этом следует задуматься хотя бы в тот момент, когда в час отдыха вы включаете телевизор. Кажется, вся страна, весь казахский аул у экранов ТВ наслаждается шоу-программами – песнями, танцами, интермедиями о легкой и сладкой жизни. Заметим, подавляющая продукция масс-медиа пиратского происхождения – музыка, тексты песен, содержание интермедий грубовато «перелицованы» из западного известного продукта. Закон «Об авторских и смежных правах в РК» регламентирует, но в большей степени не работает, как, впрочем, не только у нас, и на всем евразийском пространстве. Агрессивная политика продвижения масс-медиа своего продукта умело переступает юридический запрет, ибо на кон поставлены высокие прибыли. Общество, понимая происхождение такого не легитимного источника продукта, тем не менее, согласно на потребление такой эрзац «духовной пищи». Потребитель – он как бы король данной ситуации, он требует не законности происхождения продукта, он требует себе развлечений. По такой причине отечественный шоу-бизнес, даже на уровне массовых представлений на казахских свадьбах-тоях, имеет колоссальный успех в финансовом выражении, а концерт классической музыки проходит, увы, в полупустых залах.

Масс-медиа, так неожиданно и стремительно ворвавшиеся в жизнь молодых, успешно использует на всей территории Казахстана свою атакующую идеологию определенными коммуникативными практиками, техниками и технологиями, в которых предпринимаются попытки перенесения в практику повседневной жизни расхожие идеи, ценности, концептуальные разработки в области этики, аксиологии, поведенческих моделях и знаковых смыслах представлений человека как о себе, так и о новом текущем времени. На второй или даже на третий план уходят смысложизненное искусство, проблемное, глубокое умное кино, классическая литература, драматургия, призывающее к состраданию, сочувствию, сопереживанию с героями произведений. Молодежь стала избегать страданий героев и кумиров, чтобы не допустить их лично в себя. Она стремится к заманчивым внешним раздражителям и развлечениям. Отчего это так?

В этой связи обратим внимание на конфликт *внутри самой казахстанской культуры*, когда в борьбу безуспешно вступают: классические виды искусства, серьезный, авторский кинематограф, умная литература, возвышенная поэзия и широко тиражируемый в противовес активный

и вездесущий продукт масс-медиа. Внутри этого смыслового и эстетического противостояния находится экзистенциальная психологическая практика, психотерапевтическая ее роль, несущая просветление, прозрение, гуманизм; а с другой стороны – масс-медиа работает в различных неожиданных манипулятивных технологиях сознания личности, когда важна не истина, а сладкая ложь, потребительская позиция, «легкость бытия». Казахская молодежь массово подвергается психологической обработке западной индустрией культуры, вестернизируется, в погоне за прибылью, рейтингом и в этом случае никому не важны последствия. Подобной обработке молодое неокрепшее сознание подвергается через ТВ в эстетике серийных форм современного ежедневного телесериала. Выбор именно этих коммуникативных практик в качестве предмета нашего внимания обусловлен, не в последнюю очередь, актуальными проблемами экзистенциального, политического и культурного характера, переживаемого нашим обществом на рубеже тысячелетия.

По какой причине?

Во-первых, на наш взгляд, большинство казахстанцев среднего и старшего поколения до сих пор испытывают острейший *дефицит смысла жизни*. Социально-экономический кризис, охвативший нашу страну в 90-х годах прошлого века, сопровождался одновременно и *мировоззренческим кризисом общества и личности*. Состояние смятения, раздвоенности, прощания с прошлым, со старым, отжившим мышлением, обострил проблему духовных ценностей. В этих условиях, как нам представляется, именно экзистенциальные коммуникативные практики имеют особое значение, когда занимаются проблематикой «экзистенциального вакуума» (особом психологическом состоянии индивида, сопровождающимся потерей смысла жизни), а также практики диалогического общения могут помочь отдельному индивиду выйти из состояния фрустрации и преодолеть кризис «вторичной» социализации и идентификации.

Во-вторых, в условиях развертывания экономической конкуренции, в которую вступил Казахстан, и обострения борьбы за ведущее место в системе социальных отношений в отечественном обществе усилилось распространение информационно-психологического воздействия манипулятивного характера на всех уровнях социального взаимодействия – от межличностного общения до массовой коммуникации. Исследование коммуникативных практик, направленных

ных на манипуляцию личностью, социальными группами и общественным сознанием в целом, становится как нельзя актуальной в наше время.

В-третьих, экспансия на фоне коммерциализации общества суррогатов западной культуры отнюдь не лучшего образца вновь актуализировала старую проблему критериев новизны, оригинальности и уникальности произведения искусства. И, в-четвертых, классическое искусство – музыка, балет, проблемное, национальное кино, подлинная проза или поэзия оказались в этой борьбе не конкурентны. Хотя они, создавая годами подлинное искусство и имея в себе уникальный собственный авторский взгляд и смысл на человеческое бытие, оказались под давлением идеологии индустрии культуры, а поэтому – на обочине. Экономическое выражение конфликта внутри национальной культуры – это, когда подлинное искусство создает высокое искусство, но не получает за это прибыль, а продукт масс-медиа, напротив, пользуется широким спросом и приносит очень высокие доходы. Не сопоставимы прибыли шоу-бизнеса и, к примеру, классической музыки, авторского кино, спектакля. Серьезное искусство не может обходиться без помощи государства и меценатов. Оно в одиночестве уязвимо и незащищено. В этой связи в поисках ответов у нас есть смысл обратиться к истокам философской мысли о корнях происхождения этой самой «индустрии культуры».

В середине прошлого века немецкие философы Т. Адорно и М. Хоркхаймер написали книгу «Диалектика просвещения», которая во многих отношениях стала пророческой. Авторы впервые раскрыли понятие «индустрия культуры» и разъяснили понимание производства культуры как уничтожающий человека аналог поточно-конвейерного производства продукта для души. То есть, культура не создавала себя сама в ходе собственного исторического развития, как это бывало раньше и везде, а становилась рыночным объектом или субъектом производства и распространения. Авторы замечательной книги индустрию культуры рассматривали как порочный факт повседневной дегенерации духовной жизни большинства людей до низкопробного «всеобщего уровня». Данное обстоятельство принимало для них особое значение, поскольку в нем они видели необходимое условие осуществления тоталитарной духовной власти как принципа организации и управления, представляющего как в непосредственно политических формах, так и в рыночном выражении. Раскрывая внутреннее родство и коренную типологическую общность

массы как пассивного, безвольного и беспредельно лояльного продукта тоталитарной политической идеологии и массы как совокупности самодовольно-ограниченных и непоколебимо уверенных в своей суверенности, а на самом деле, легко поддающихся манипуляции агентов массовой политической культуры «позднего капитализма». Отличительное свойство этого исторического феномена заключается в том, что податливость массы духовному насилию (которая может принимать вид ее самостоятельного выбора в правиле «Давать то, что хочет публика») создается и изо дня в день закрепляется в первую очередь именно индустрией культуры, считают они, и это удивляет остальных. Иными словами, «индустрия культуры – это преднамеренное объединение ее потребителей сверху» [1, с. 107]. Более того, индустрия культуры – есть идеологическая сила, которая, действуя в виде общедоступного средства общения и развлечения, выступает под невинным названием «масс-медиа», в действительности является выражением невиданной концентрации политической и экономической власти: «Клиент здесь – это совсем не король, во что хотела бы вас заставить поверить индустрия культуры, это не субъект ее, а объект. Слово «масс-медиа», вошедшее в употребление для обозначения культурной индустрии, придает ей безвредный вид. В действительности же дело здесь не в массах, которым якобы отводится главная роль, и не в технике коммуникации как таковой... Массы – это не мера, а идеология индустрии культуры». И в этой связи напрашивается кульминационный вывод: «Суммарный результат воздействия индустрии культуры – антипросвещение» [1, с. 113].

Внешне вполне демократичное правило «Давать то, что хочет публика» на самом деле скрывает неравноправный характер отношений между коммуникатором и аудиторией. Для представителей индустрии культуры *массовое сознание* – это территория, для завоевания которой все средства могут быть хороши. Неудивительно, что в рамках этих отношений наиболее приемлемой как для коммуникатора, так и для массовой аудитории формой коммуникации зачастую становятся развлечения. Наделение живых людей умственным развитием манекенов, подмена проблемного (то есть всего того, что предполагает самостоятельное, независимое и восходящее мышление) занимательным – вот смысл управленческого воздействия индустрии культуры на сознание массовых аудиторий с помощью «развлечений».

Фактически вся массовая культура, поп-культура служит инструментом вытеснения смысложизненных проблем, экзистенциальной тревоги. Милан Кундера в своем знаменитом романе «Невыносимая легкость бытия» дал замечательное рассуждение о том, что из себя представляет кич и кичевое сознание [3]. Это такая картина мира, говорит М. Кундера, из которой исключено все дискомфортное, а все, что нарушает светлое гармоничное мироощущение, просто объявляется несуществующим. Это и есть кичевое сознание. Вся наша жизнь – это борьба позитивной жизненной философии с кичевой философией, борьба за целостность жизни, за то, чтобы принять в картину мира, в том числе и то, что вызывает тревогу, вызывает дискомфорт, являясь неотъемлемой стороной нашей жизни. Стоит в этой связи вспомнить формулу Канта: делай, что должно, и будь что будет. Всегда есть зазор между реальными результатами и нашими целями, но, тем не менее, наша задача – принимать эту непредсказуемость и быть открытым тем возможностям, которые возникают в жизни.

Отчего так важно сохранить и донести до сердца молодежи идеи экзистенциализма, которые возможно для убедительной демонстрации своих преимуществ, только в качественном, настоящем, подлинном произведении искусства?

Первые попытки непосредственно перенести идеи философии экзистенциализма в психологическую и психотерапевтическую практику предприняли Л. Бинсвангер и М. Босс [4]. Но вершинами экзистенциальной психотерапии на сегодняшний день считаются методологические основы психологической практики, разработанные на основе философии экзистенциализма такими авторами, как Виктор Франкл, Ролло Мэй, Джеймс Бьюджентал [5], [6], [7]. К сожалению, перечень доступных у нас источников по экзистенциальной психологии и психотерапии до сих пор остается крайне незначительным.

Экзистенциальная психотерапия исходит из ключевой для нее идеи, наиболее явно сформулированной Ж.П. Сартром: «Существование предшествует сущности». Другими словами, в человеке нет никаких предзаданных сущностей или нет никакой «природы человека», которая бы определяла, что разовьется на ее основе в дальнейшем. Человек в каждый момент своей жизни сам решает, чем он будет дальше, и куда он будет развиваться. Человек свободно творит самого себя и «есть лишь то, что сам из себя делает» [8]. Такое же, по сути, определение экзистенциального существования дает М.К. Ма-

мардашвили: «Экзистенция – это то, что сейчас здесь ты должен сделать. Она исключает откладывание на завтра или перекалывание на плечи другого, на плечи ближнего, нации, государства, общества. Ты должен сам. А человек не склонен это делать» [9, с. 223].

Таким образом, главное в понятии «экзистенции» – это акцент на самотворчестве, отсутствии предзаданности, отсутствии детерминированности того, что происходит сейчас, здесь-и-теперь, в данный настоящий момент. Жизнь человека выступает как некий «личностный тест», точнее – тестирование. Все, что в жизни есть: тревога, вина, страх, отчаяние, с одной стороны, и надежда, свобода, ответственность и любовь, с другой – все это не сваливается на человека неизвестно откуда, не заложено в него изначально, а порождается его собственными выборами и его собственными усилиями. Вне ситуации «здесь-и-теперь» нет никаких детерминант, которые бы заставили меня «здесь-и-теперь» поступить таким образом, а не иным. Существенным моментом этой идеи является такая характеристика экзистенции, как ее открытость. Эта характеристика противостоит идее о том, что человек есть некий заверченный процесс. Ключевой момент – отсутствие предзаданности, что важно сейчас понимать нашей молодежи, перед которой раскрыты все горизонты жизни. Реальное взаимодействие человека с миром всегда первично по отношению к каким-то конкретным характеристикам человека. Это означает, что свойства, которые мы приписываем другому человеку, – это только те свойства, которые раскрываются при взаимодействии с другими людьми, т.е. какие-то сущностные характеристики не заложены в человеке изначально, они формируются в процессе реального взаимодействия человека с миром, в процессе жизни. Иначе говоря, у человека вообще нет никакой предзаданной сущности, и сущность человека проявляется в открытости самым различным возможностям. Казахстанская молодежь остро нуждается в смысловом, теоретическом и практическом обучении. Высшая школа, да и средняя тоже обязаны этим заниматься – разъяснять молодым о том, что есть индустрия культуры и настоящее искусство, что есть наша *национальная культура* и как нужно себя ему повести, чему учиться, чтобы стать достойным гражданином своего времени – познать каковы истинные вершины духовной зрелости.

Другое важное понятие экзистенциалистского подхода – это понятие *жизненной мира*, которое занимает существенное место во многих

вариантах экзистенциализма. Самое главное содержание, которое заключается в данном понятии, состоит в том, что в каждый данный момент времени, в каждой данной ситуации человек противопоставляет не данной конкретной ситуации и не среде, его окружающей, а *миру в целом*. Взаимодействие человека с каким-то фрагментом мира в конкретной ситуации – это некоторая «голограмма», в которой отражается мир в целом. Еще одно ключевое положение экзистенциализма: другие люди являются неперенным условием самоактуализации индивида, а культура может оказывать на самоактуализацию не только ограничительное, но и *позитивное влияние*. Экзистенциальная коммуникативная практика базируется на диалогической позиции, суть которой заключается в том, что условием самореализации является некий конструктивный диалог, общение, контакт с другим человеком, воспринимаемым во всей его целостности. Из западных авторов эта позиция наиболее четко представлена у М. Шелера, М. Бубера, а из советских авторов аналогичный подход разрабатывался у М.М. Бахтина. Таким образом, фундаментальная посылка, из которой исходят практики экзистенциальной коммуникации, заключается в том, что только во взаимодействии с миром человек обретает свои сущностные характеристики, или, как хорошо было об этом сказано В. Франклом: «Если человек хочет прийти к самому себе, его путь лежит через мир» [5, с. 120].

Эта посылка, или позиция предельно четко присутствует во всех вариантах экзистенциальной психологии. Человек с момента рождения находится в постоянном взаимодействии со своим жизненным миром, с миром, в котором находятся потенциальные смыслы его существования, которые он должен открыть, найти для себя. Мир несет в себе как определенную угрозу и опасность, так и позитивные возможности и альтернативы, из которых человек должен делать выбор, и в процессе этих выборов он себя самого «строит». Предметом практической работы экзистенциально ориентированного терапевта или консультанта является не столько личность клиента, сколько экзистенциальные проблемы, порожденные ее взаимодействием с миром. Здесь в качестве единицы или узлового момента анализа выступает именно взаимодействие с миром, и вне этого взаимодействия никакой экзистенциальный анализ невозможен.

Наконец, последняя посылка коммуникативной практики экзистенциализма касается сферы этики, проблемы добра и зла. С точки зрения экзистенциалистского подхода человек не предрасположен априори ни к добру, ни к злу. Он выбирает или то, или другое, а тем самым творит и то, и другое. Он открыт тому и другому [10]. Попробуем очертить проблемное поле, где наиболее эффективно работают экзистенциалистские коммуникативные практики. В литературе, посвященной этому вопросу, принято выделять четыре основных узла экзистенциальных проблем, пути, решения которых изучает экзистенциальная коммуникативная практика. Это: 1) проблемы времени, жизни и смерти; 2) проблемы свободы, ответственности и выбора; 3) проблемы общения, любви и одиночества; 4) проблемы смысла и бессмысленности существования [12]. Проблема времени является ключевой в ситуации экзистенциального выбора. Иначе говоря, выбор, которые мы делаем – это выбор между двумя альтернативами: выбор будущего, либо прошлого. В будущем всегда присутствует неизвестность. Нельзя предсказать будущее, даже если мы что-то планируем. Это риск, с которым сопряжено любое наше действие. И этот риск устранить нельзя, как бы мы ни пытались, потому что нельзя предвидеть будущее. Выбирая будущее, мы выбираем неизвестность. И в этом содержится неустранимый корень человеческой тревоги, потому что, выбирая направленность в будущее, мы тем самым принимаем на себя тревогу. Тревога – это эмоциональный аккомпанемент неустранимой неопределенности будущего.

Таким образом, мы коснулись только части большой глобальной проблемы – *конфликта внутри самой национальной культуры*, борьбы в ней подлинного искусства с продуктом индустрии культуры.

Однако, важно в процессе выстраивания любого учебного плана, чтобы наша казахстанская молодежь четко понимала смыслы появления и цели, преследуемые индустрией культурой, и задач, которые она ставит перед собой. В этой связи молодой человек будет способен самостоятельно сделать трезвый вывод и никогда не пройдет мимо подлинного искусства, а оно станет его спутником жизни, ибо экзистенциальная философия всегда стремится к разуму, а значит, она истинна.

Литература

- 1 Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения: философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. – М.: Медиум; СПб.: Ювента, 1997. – 311 с.
- 2 Кундера М. Невыносимая легкость бытия / пер. с чешского Н. Шульгиной. – СПб.: Амфора, 2000. – 351 с.
- 3 Бинсвангер Л. Бытие-в-мире: введение в экзистенциальную психиатрию. – М.: КСП; СПб.: Ювента, 1999. – 300 с.
- 4 Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник: пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 338 – 360.
- 5 Мэй Р. Истоки экзистенциального направления в психологии и его значение // Экзистенциальная психология. – М.: Апрель-Прес, 2001. – С. 105 – 140.
- 6 Бьюдженталь Дж. Предательство человечности // Эволюция психотерапии. В 3-х т. – М.: Класс, 1998. – Т. 3. – С. 180-207.
- 7 Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319 – 344.
- 8 Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. – М.: AdMarginem, 1995. – 548 с.
- 9 Мэй Р. Искусство психологического консультирования: пер. с англ. – М.: НФ «Класс», 1994. – 144 с.
- 10 Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1990. – 272 с.
- 11 Леонтьев Д. Что такое экзистенциальная психология? // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. – М.: СМЫСЛ, 1997. – С. 40 – 54.

References

- 1 Adorno T., Horkhajmer M. Dialektika prosveshhenija: filosofskie fragmenty / per. s nem. M. Kuznecova. – M.: Medium; SPb.: Juventa, 1997. – 311 s.
- 2 Kundera M. Nevynosimaja legkost' bytija / per. s cheshskogo N. Shul'ginoj. – SPb.: Amfora, 2000. – 351 s.
- 3 Binsvanger L. Bytie-v-mire: vvvedenie v jekzistencial'nuju psihiatriju. – M.: KSP; SPb: Juventa, 1999. – 300 s.
- 4 Frankl V. Chelovek v poiskah smysla: sbornik: per. s angl. i nem. – M.: Progress, 1990. – s. 338 – 360.
- 5 Mjej R. Istoki jekzistencial'nogo napravlenija v psihologii i ego znachenie // Jekzistencial'naja psihologija. – M.: Aprel'-Pres, 2001. – S. 105 – 140.
- 6 B'judzhental' Dzh. Predatel'stvo chelovechnosti // Jevoljucija psihoterapii. V 3-h t. – M.: Klass, 1998. – T. 3. – S. 180-207.
- 7 Sartre Zh.-P. Jekzistencializm – jeto gumanizm // Sumerki bogov. – M.: Politizdat, 1989. – S. 319 – 344.
- 8 Mamardashvili M.K. Lekcii o Pruste. – M.: AdMarginem, 1995. – 548 s.
- 9 Mjej R. Iskusstvo psihologicheskogo konsul'tirovanija: per. s angl. – M.: NF «Klass», 1994. – 144 s.
- 10 Fromm Je. Begstvo ot svobody. – M.: Progress, 1990. – 272 s.
- 11 Leont'ev D. Chto takoe jekzistencial'naja psihologija? // Psihologija s chelovecheskim licom: gumanisticheskaja perspektiva v postsovetskoj psihologii / pod red. D.A. Leont'eva, V.G. Shhur. – M.: SMYSL, 1997. – S. 40 – 54.